

У НАС В ГОСТЯХ – ПСИХОЛОГ

Н.Г. МАЛАХОВА,
психолог Российской государственной детской
библиотеки, г. Москва

«Тишина во всем круглом свете»

(Из опыта занятий по литературному развитию
первоклассников)

В отделе психологической поддержки РГДБ я веду занятия с детьми старшего дошкольного возраста по психологической подготовке к школе.

В программу входит «литературный блок»: мы читаем стихи и рассказы детских писателей, про-

игрываем некоторые сюжеты, рисуем и т.д.

Родители одной из групп попросили продолжить занятия на второй год, мотивируя это тем, что наши занятия помогут детям легче пережить процесс школьной адаптации. Это совпадало и с моими интересами – продолжить работу по литературному развитию детей.

Когда я продумывала примерный план наших занятий, все представлялось достаточно традиционно. Начать со сказок – народных и волшебных, с законов их построения (что вполне сопрягается со школьной программой по чтению), придумывать свои сказки, в перспективе мы задумали сочинить вместе сказку для новогоднего спектакля. **Потом перейти к рассказам** (ведь мы до этого почти полгода читали, обсуждали, рисовали «Денискины рассказы» В.Драгунского). Придумывание своих рассказов (учитывая опыт чтения рассказов Носова, Голявкина, Раскина) заставляет работать не только над формой, над внутренним устройством рассказа, но и актуализировать свой опыт, свои прошлые ситуации и переживания, осознавая их, включая в настоящее уже в новом качестве – осмысленном, получившем эстетическую окраску. **Затем выйти к жанру**

повести, продолжить работу с «крупными» формами.

Но **действительность переиначила все планы**. Вернувшись после лета группа единодушно потребовала «Вредных советов» и страшилок Остера и Успенского. Начавшийся учебный год – для большинства первый – обрушился грузом новых забот, разочарований и утратой некоторых иллюзий. Душа просилась обратно в «беззаботное» детство. И когда жизнерадостный и вечно выпрашивающий «ну хоть еще одну задачку» Арсений на мое радостное восклицание: «Что хорошего у вас уже произошло в школе?», ответил: «Ничего хорошего, а особенно в школе», – вопрос в пользу Остера был решен. И решение носило характер вынужденной необходимости.

Читаю первую книгу «Вредных советов», ребята повторяют слова вместе со мной – знают наизусть. Потом Рома сказал: «Ну и что такого, можно сколько угодно таких сочинить». Не упускаю случая: «Можно, значит, будем сочинять». О том, как мы сочиняли свои вредные советы и начали писать «Свою книгу» – отдельный рассказ, как и о дальнейшей работе – как сравнивали разные тексты, выясняя, чем стихи отличаются от прозы, что такое рифма, ритм, размер, придумывали считалочки и частушки. Моей сверхзадачей было показать, что стихи – это не просто зарифмованные, в определенном порядке выстроенные слова, это умение увидеть мир так, как до тебя его никто не видел, это твой уникальный, единственный взгляд, твои мысли и переживания, о которых никто, кроме тебя, ТАК сказать не может и которые стали интересны и другим.

А в это время, на наше счастье, в библиотеке проходила выставка графики Мая Митурича – пейзажи, иллюстрации к сказкам, стихам. В том

числе и к хокку (традиционная японская форма стихосложения) поэта Басё, японского классика. Необычность, непохожесть на все, ранее виденное, привлекла внимание ребят, мы стали рассматривать картины-иллюстрации, прочитывая стихотворения. На следующем занятии продолжили чтение.

***

Первый снег под утро.
Он едва-едва пригнул
Веточки нарциссов.

***

Старый пруд
Прыгнула в воду лягушка
Всплеск в тишине.

Мацуо Басё
в пер. В.М.Марковой

О чем стихи?

Удивительно, но ребята ответили сразу – о настроении, о чувствах.

Обсуждаем, какое настроение и какие чувства вызывают эти стихотворения, как это настроение передается, какими словами, что отличает эти стихи от других, известных нам...

После такой подготовки мы приступили непосредственно к работе над стилизациями. Было дано задание придумать стихотворение, похожее на хокку, попробовать написать так, как написал бы Басё.

Начинает Илья: «Как-то один раз Царь вышел погулять в свой сад

И вдруг он видит –
Там очень тихо
И кто-то срывает цветы».

– Илюш, мы говорили о том, что хокку не имеет рифмы, но ведь там есть размер. У тебя есть размер в нескольких строках, но не во всех, давай разберем все строчки.

Медленно читаем вслух, Илья делает схему («/» – ударный, «-» – безударный):

/ - - / / / / - - - / / /
- / - / -
- / - / -
- / - - / - - /

(Обговариваем, что на слова «и, он, там» не падает логическое ударение, они произносятся как безударные, и мы можем их обозначать как безударные.)

– Посмотри внимательно на строчки, ты можешь сказать, где у тебя поэтическая, ритмически организованная речь, а где ее нет?

Илья: «Сначала, наверное, нет».

– А на что больше похоже начало, первая строка, что так может начинаться?

– Сказка или рассказ.

– Я тоже так думаю, а почему ты так считаешь?

– Там начало истории, как она начинается, а в хокку не должно происходить что-то, там о том, что вдруг увидели. Надо просто:

Раз выходит Царь в сад

(сам себя перебивает), но он же сначала пришел туда, значит надо так

Приходит Царь в свой сад
И видит – кто-то цветы срывает.
И думает: «Что же так тихо?».

Я не совсем понимаю, переспрашиваю: «А почему же он думает: «Что же так тихо?», когда увидел, как кто-то срывает цветы?».

Илья: «Нет, он не увидел, он ведь сначала услышал, что очень тихо, что стоит такая тишина, что в ней даже слышно, как обломился стебель цветка. Поэтому Царь так и удивился, от этой тишины сильной. Это о такой тишине стихотворение, где слышен даже самый тихий звук».

Т.е. слово «видит» на самом деле означает не увидел глазами, как кто-то срывает цветок, а «и видит» – значит, в тишине услышал хруст обламывающегося цветочного стебелька. Теперь понятно, действительно, стихотворение о тишине в утреннем

Выпускное сокопитие

саду, о звуке сломанного цветка, о чувстве удивления этой невероятной тишиной. Илье удалось поймать это «восточное», созерцательное отношение к миру, к природе, это любование и удивление.

На самом деле, я не знаю, нужно ли так выстраивать работу с каждой ситуацией, не получается ли здесь некоторое «притягивание», «втягивание за уши» ребенка в ту форму, в тот результат, который я задумала получить, не мешает ли это его собственным мыслям и поискам. В ситуации с Ильей это произошло спонтанно, все рождалось на ходу. Илья – человек, склонный к обсуждению, разбору, ему нужно подробно уяснить задачу, детально разработать ход решения.

Другое дело – Рома: мгновенно, каким-то внутренним зрением видит форму, чувствует её, всегда первый выдает ответ, с удовольствием импровизирует, подражая, стилизуя, и потом старается не возвращаться к уже сделанному.

Меня однажды послали
Утром-позутру.
Кто меня послал?

Вот уж кто совсем не сентиментален, так это наш Роман, не хочет ни чувств, ни взглядов, ни описаний-переживаний. Если нельзя сюжет – то вот вам, получите такую маленькую шутку, и больше не приставайте. И действительно, сколько потом не приставала – не захотел сочинить еще что-нибудь, хотя, в отличие от других, для него это труда не представляет.

А вот две, на мой взгляд, менее удачные стилизации, хотя, кто знает, что здесь «удачное», а что «менее».

Никита долго не задумывается, он у нас вообще не любит напрягаться.

«И правильно, – это я ему иногда в шутку говорю, – в школе – думай, в библиотеку придешь, опять – думай, так и погибнешь от суеты ума». Никита обычно в ответ улыбается добродушно. Он миротворец, ему хорошо, если всем вокруг хорошо и не надо суетиться. Но чтоб всем вокруг было хорошо, надо сочинить как положено:

Новогодний праздник

три строчки и о чувствах.

- Никита, о чем будет твоё хокку?
- О празднике, о радости.

У меня сегодня праздник.
У меня был День Рождения.
И мне подарили подарки.

Записали. Я отложила Никитин стих, решила – ленивый очень. Потом через какое-то время посмотрела на строчки:

/ - / - / - / -
/ - / - / - / -
- / - - / - - / -

Это сначала почему-то показалось, что подражание неудачное (наверное, созерцательности маловато). Ритмический строй почти в точности совпадает с «Первым снегом под утро...» (особенно если произносить «У» под ударением).

Даша – наша художница: огромные сияющие глаза прямо на тонких ножках-ниточках и такая же сияющая улыбка, и при всей внешней пугливости и застенчивости твердокаменный характер. Даша так много знает о Японии (картины, фарфор, сказки), что постоянно уходит от обсуждаемых стихов в свои образы – воспоминания, фантазии. «Даша, – я возвращаю ее к общему разговору, – что ты представляла, когда слушала стихи: Старый пруд / Прыгнула в воду лягушка / Всплеск в тишине?» Даша на минутку закрывает глаза – представляет – и выдает рассказ-фантазию про лягушку, которая жила в том пруду, про её семью – вечно квакающих лягушат, про множество их лягушачьих дел.

– Даша, а мы говорили, что это о тишине.

– Ну да, они в таком тихом-тихом пруду все жили, в японском. А вообще-то это о Японии, это японская лягушка. Мне Япония очень нравится, я о ней придумала.

Япония – очень красивая страна.
И ещё – она моя любимая –
Там красивые иероглифы.

– Даш, так о чем твоё хокку?

– О том, как я Японию люблю.

Арсений в это время ходит сосредоточенно кругами. В высшей степени осмысленный человек, хотя его склонность к «рефлексиям» имеет и обратную сторону – некоторая неуверенность, страх перед деятельностью; за его частыми приговариваниями – «ну вот, опять у меня ничего не получится» – необходимость постоянного одобрения и поддержки, ему все время нужно подтверждение своих умений и способностей. Арсений выдал сразу продуманные и прочувствованные строки:

Взглянул кто-то на мир и увидел:
Тишина во всем круглом свете.
Только мошки жужжат.

Я (скорее по инерции, не подумав) – Арсень, **на** всем белом свете?

– Нет, **во** всем круглом: весь круглый свет, и в нём – тишина.

Действительно, тишина во всем круглом свете, и слышно только, как мошки жужжат, и больше – ничего. И Арсений – о тишине. Интересно переплетаются подражания и свои, как бы впервые увиденные, созданные образы тишины. У Басё тишина такая, что слышен всплеск воды (Прыгнула в воду лягушка...), у Ильи – слышен хруст обламывающегося стебелька, у Арсения – «только мошки жужжат». Но оба (Илюша и Арсений) в отличие от Басё вводят действие (Царь вышел в сад, кто-то взглянул на мир) и субъекта этого действия (Царь, кто-то). Не то – у японцев, кто там видит первый снег или одиноко сидящего ворона: я – автор, или ты – читатель, а может, и никто: идет сам по себе этот первый снег, сидит на ветке этот ворон – так само по себе, без нас всё устроено в природе, хотим мы этого или не хотим, видим или не видим. Это нам, «западным» людям уже XXI века кажется, что без нас и ничего произойти не может.

Кстати и у Ромы – кто-то *послал* его, и у Никиты, пусть безличное, но действие: *был* День Рожденья и *подарили* подарки. Получается, только у Дарьи – описание, даже, скорее, назы-

вание.

Все-таки, как говаривал классик, Восток есть Восток, а Запад есть Запад. Нам нужен субъект, нужно действие, пусть даже по форме – это подражание хокку, но выйти за пределы своего понимания мира, современного западноевропейского способа полагания мира нам, видимо, очень трудно (а, может, невозможно?).

Перед тем, как начать работу над стилизациями, мы с ребятами несколько раз смотрели выставку М. Митурича, посвященную Японии, обращали внимание на то, что иллюстрации к стихотворениям Басё совершенно соответствуют лаконичному и образному японскому стиху. Ребята сами заметили и строгость линий, и использование только одного-двух цветов, и четкость и изысканную простоту изображения (естественную, называя это по-своему). И делая рисунки к своим стихотворениям, ориентировались на иллюстрации М. Митурича, стараясь учитывать эти особенности.

Рома («Меня однажды послали...») нарисовал черный силуэт двери и за ней какую-то странную зеленовато-золотистую полусферу. Кто послал, куда послал – понимай, как хочешь, и в рисунке та же недоговоренность, загадочность, неопределенность... Рисунок странным образом дополнил стих: слова ироничные, лёгкие, а рисунок вышел очень серьезный – дверь в какое-то неизвестное, неземными красками переливающееся, ограниченное странной формой пространство.

Даша («Япония – очень красивая страна») сделала прямую иллюстрацию, она оформила свою страничку несколькими изящными иероглифами.

Илья («Приходит Царь в свой сад») со свойственной ему любовью к точности, желанием делать любую работу «до упора» нарисовал один сломанный цветок, затем второй, уже собрался рисовать и третий-четвертый-пятый, но я вмешалась (почему-то мое чуткое руководство на этих занятиях в основном доставалось Илье).

– Илюш, помнишь, главное – лаконичность, один образ, но полностью выражающий мысль и настроение стиха.

Илья вынужден был сдаться: «Пусть будут два цветка, а то один – совсем уж мало».

А Арсений, оформляя эту страницу своей книжки, удивительно тонко нарисовал черную изгибающуюся веточку с красными цветками (явно стилизованное изображение сакуры), розовые, падающие не то лепестки, не то снежинки (а может, жужжащие мошки) и – несколькими изящными линиями внизу – нечто вроде шалаша.

— Арсень, а это что у тебя?